

Клубные встречи

Чтобы перечислить все амплуа нашего соотечественника Владимира Котлярова, более известного по прозвищу Толстый, не хватило бы газетной полосы. Издатель, перформансист, художник, основатель философского учения, лауреат Международного фестиваля визуальной поэзии, артист французского кино... В Москву он заглянул перед отъездом в Париж по пути из Петербурга, где состоялась выставка его произведений в жанре мейл-арта, то есть отправленных по почте и полученных адресатом графических работ.

Владимир КОТЛЯРОВ (Толстый):

Без клуб. - 1996. - 31 авг. - с. 7.

Я пока не удосужился сходить на свою собственную могилу

— Наверное, посетив Москву, вы первым делом возложили букет на могилу некоего Владимира Котлярова?

— Нет. Мои родственники и друзья, которые остались здесь, вытирают установленную мной на кладбище мраморную доску, где в качестве первой даты стоит день моего рождения, а в качестве второй — день отъезда из СССР, ставят возле нее цветы. А у меня есть тоскливое желание сходить туда, но что-то удерживает. Я уже пять раз в Москве и ни разу не видел свою собственную, изготовленную собственными руками могилу.

— Значит, вы не законченный циник.

— Я вообще не циник.

— Чтобы похоронить самого себя, требуется немало цинизма.

— Я уезжал из этой страны навсегда. Уезжали многие, но каждый в своем психологическом состоянии. Я не имею в виду мясников и булочников — у них у всех было одно и то же состояние. Наша волна эмиграции закончилась к 1984 году. Потом поехали другие люди — в основном озабоченные деньгами. Мы, которые уезжали 20 лет назад, либо смеялись, либо паниковали, либо кричали проклятия... Я перед отъездом написал большой холст, который сейчас находится в крупном частном собрании. "Прощай, немытая Россия!" Это отчаянное название, но глубоко ошибочное. Ошиблись мы все — те, кто уезжал, и те, кто провожал. Наша ошибка, что мы не доверяли ни Богу, ни собственной судьбе... Мы не доверяли социуму, который пузырился в России. Так или иначе — мы ошиблись.

— Почему после похорон Котлярова к вам пристало прозвище Толстый? Вы же не такой уж толстый.

— Прозвища пристают к нам с детства. В школе меня все звали "Котлетка" или "Толстый". Я рос в послевоенное голодное время, мои сверстники были стройными, как лани, звонкие и прозрачные. А я всегда был толстым. Девочки предпочитали мне моих глуповатых оппонентов. Чтобы разрушить магические свойства своего прозвища, я сам себя стал называть Толстым — этим способом разрушил всех своих соперников в прошлом, настоящем и будущем.

— А некоторые на вашем месте предпочли бы просто похудеть... Вы не можете похудеть? Или вы позер, вам нравится превращать жизнь в театр, ведь война с детской драматикой — это война с мельницами...

— Я могу похудеть за 30 килограммов. Но только за деньги — когда мне нужно сыграть роль, которая требует похудения. Я вовсе не тягостен, что я толстый. Безумие лишь себя вкусной едой — ведь это одно из самых острых наслаждений. Для чего строятся

прекрасные виллы, роскошные квартиры? Для того, чтобы там была кухня и на ней готовилась еда. Мои соображения о кулинарии изложены в книге под названием "Пищевая книга господина Толстого", которая скоро появится в продаже.

— Проблема в том, чтобы расставить ударения в фамилии автора, а то книгу никто не будет покупать — ведь ваш великий предшественник с ударением в фамилии на втором слоге, как известно, проповедовал умеренность в пище.

— Гурманство — не грех. Я подолгу жил в одном из афонских монастырей — нет места с более строгим уставом. Но монахи необыкновенно вкусно едят. И на кухню ставят не кого погало, а человека, искусного в кулинарном искусстве. Они ограничивают себя в употреблении мяса. Но мясо — не самая вкусная пища. Я могу приготовить потрясающие блюда из овощей и, если хотите, они будут пахнуть мясом.

— Способен предложить вам 40 видов простой яичницы.

— Теперь о другой грани вашего таланта... Популярны наши артисты, уезжая за рубеж, теряют работу. Вы же, наоборот, стали киноактером и снялись в...

— ...30 фильмах, причем все они французские. Ни разу, к моему сожалению, не играл в русском режиссера. В этой стране можно было увидеть только три фильма с моим участием: "Индеец в Париже", "Угольная пыль" и "Королева Марго", где главную роль сыграла Изабель Аджани. Она сегодня — символ Франции, как некогда Брижит Бардо, совсем чуть-чуть — Мирей Матье и до сих пор — Катрин Денев. Недавно "Студио" — главный кинематографический журнал Франции — на одной стороне обложки поместил Катрин Денев, на другой — Изабель Аджани. Так редакция выразила свою точку зрения на то, что они равны.

— Интересно наблюдать, когда Изабель выходит на съемочную площадку — рядом с ней телохранитель и женщина, первый начинает за двести метров отнимать фотоаппараты, вторая отгоняет всех от места, где звезда присядет. Но сама она чувствует себя неловко и ничего не может сделать — это часть системы, которая существует в западном кино, бороться с этим невозможно, потому что ее создали те, кто делает деньги, а следовательно, кто платит деньги ей.

— Эх, нашу бы звездищу в эту старсистему. Какую-нибудь Машу Распутину...

— Не знаю, о ком вы говорите... Но Изабель очень несчастлива по-человечески. У нее сложилась женская судьба, она никогда не была замужем, а теперь, по информации прессы, родила себе ребенка. Но без мужа.

— Интересно, от кого? Сергей Крылов рассказы-

вал, что его жена отправила письмо Мадонне с рекомендацией своего супруга в качестве идеального мужчины для рождения здорового потомства. Может быть, нужно было адресовать письмо Изабель?

— Я считаю, что рассказанный вами случай — это пример артистической распушенности. Должно же быть у людей чувство сдержанности, ответственности перед гением, талантом. Я думаю, что человек, который отправляет письма от имени своей жены, пытается добиться таким образом известности, но никогда ее не обретет, а люди будут отвечать ему не уважением, а лишь ухмылками. Хам останется хамом. Даже если он подарит козла Президенту.

— Я снимался с Изабель, она играла королеву Марго, а я палач. Она приходит ко мне, чтобы выкупить отрубленную голову возлюбленного, законсервировать и поставить у себя на шкафу, потому что считает, что это очень красиво. Мизансцена такая. Она входит, вручает мне деньги, я иду за головой, беру эту голову, вручаю ей — и камера оставляет меня, начинается ее крупный план. Вдруг она прерывает монолог и обращается ко мне: "Не смотрите на меня. Ведь вы же палач. Вы тот, кто отрубил эту голову. Мне отвратительно видеть вас, но я не могу выдать своего презрения из королевского благородства". Она видит во мне уже не актера, играющего роль палача, а настоящего палача. Вот вам пример трепетности и настоящей работы актрисы.

— Может быть, это звездные капризы? Вам на съемочной площадке с ней приходилось соблюдать почтительный тон?

— Конечно, всегда существует определенная дистанция. Вот пример. Во время работы над фильмом я был приглашен в числе прочих ста актеров к Изабель на день рождения. Представьте себе, много хорошей жратвы. Люди начали танцевать. Мужчины и женщины приглашают друг друга. Знаете, есть такой общий танец — трясучкой, — когда партнеров меняют и все танцуют со всеми. Изабель тоже вышла танцевать. Вдруг все выстроилось перед ней кругом и стали подтанцовывать с согбенной спинкой и отключенной попкой, показывая, что ей кланяются. Мне грустно, что это так, она заслуживает уважения, а получается холуйство.

— Вы сказали, что любите советское кино. Советское лучше французского?

— Так нельзя ставить вопрос. Советское кино лучше теперешнего русского. Не потому, что мне близки те идеалы, но потому, что исключительно высока была степень профессионализма. Не важно что — важно, как это сделано. Я, например, восхищаюсь фильмом "Белое солнце пустыни". Этот

фильм, в особенности роль Луспекаева и сам он — вечный, незабываемый кайф.

— Я, конечно, не знаю всей ситуации здесь. Но то, что я вижу по телевизору, — это сплошная претензия плохого профессионального качества. У меня такое чувство, что все кино, телевидение, все средства массовой информации пропитаны ложью и пошлятиной — они хотят одурачить людей не очень образованных, мало читавших и окончательно отбить у них стремление к чтению. Я вижу что люди с тех пор, как я уехал отсюда, стали примитивнее. А эти розыгрыши стиральных машин и прочей ерунды — это же пошлятина.

— Не секрет, по личному заявлению самого Ярмольника в одном из интервью, что его передача, например, имеет аналог на Западе. Другие — так же, без сомнения. Чего ж на зеркало пенять?

— Честь и хвала Ярмольнику, что он честный человек. Но почему все это так грубо, примитивно сделано, шутки пошлые, розыгрыши топорные. Пусть во Франции есть аналогичная игра — но сделана она изящнее. К чему такая бесштанная грубость — лучше снять штаны, чем остаться в лилялом исподнем.

— Народу нравится.

— Можно подумать, у народа есть выбор. Я вам приведу пример. Однажды я играл в фильме роль старого боксера, которого "вырубает" на ринге. Моего соперника играл профессионал на 17 кг тяжелее меня — Жан Марк Бар, в то время один из самых знаменитых европейских актеров. Режиссер этого фильма, мой лучший друг в течение двузачного числа лет, готовил меня к съемкам. Мы отрепетировали хук слева. Я готовил себя к тому, чтобы ударить хорошего человека. Защита, атака — все как положено. Но в последний момент мой друг режиссер шепнул сопернику: "Дай ему апперкот!" Я неожиданно получил такой удар! Кровь брызнула в камеру, мне выбили зуб. Я упал в нокауте. Крупный план — снято! Дело было еще, представляете, в мой день рождения. Я лежал несколько десятков секунд без сознания в выбитым зубом. Обидно. Зато эпизод получился без халтуры. Нет таких дружеских, приятельских отношений, которые могли бы оправдать халтуру.

— Во французском кино даже пошлятина предлагается в идеально сделанной форме. Больше того, если фильм готов и очевидно, что это пошлятина, — прокатчики откажутся от него. Даже если есть шанс заманить зрителя на громкое имя. Почему? Потому что боится испортить себе репутацию. У нас считается, что имя дороже того, чтобы вернуть, скажем, три миллиона долларов. Один раз вернешь, но больше с тобой никто работать не будет. Самое важное — не опозориться в глазах коллег.

Провалившийся режиссер, продюсер — это в большинстве случаев профессиональные "покойники". Никто не скажет в глаза горькую правду. Продажная пресса даст положительные отклики. Но постепенно человек останется в вакууме. Главное качество характера француз — двуличие. Ваш знакомый мило улыбнется вам в лицо, но через какое-то время поменяет партнера. Никто не поленился позвонить знакомым и порекомендовать не иметь больше с вами дела... Это страшное действенное оружие против халтуры. Справедливость жизни торжествует.

— Возможно ли во Францию муссировать три года в прессе историю о беременности той же Изабель Аджани, вроде того, как у нас с Аллой Пугачевой?

— У нас принято публиковать официальные версии о беременности, любовных романах. Обычно задолго до родов, но когда аборт делать уже поздно, светская хроника начинает раскручивать, что такая-то актриса собирается стать матерью. Ее стараются застать в ванной комнате, сфотографировать с обнаженным животом. Из этого делают бомбу, чтобы минеткам (так у нас называют молодых девочек) было что читать. Конечно, чем скандал острее пахнет протухлой спермой — тем больше он принесит денег. Чистым врагнем занимаются специальные газеты и журналы, предназначенные только для рабочих с завода "Рено". Риск велик. Стоит только коллегам журналистам поймать конкурентов на лжи, им этого не простят. Журналист и редактор закончат карьеру. Даже их друзья не посмеют больше их публиковать. Никто не грозит автоматом. Задают деньгами. Звонят рекламодателям: "За чем вам давать рекламу в это неосолодкое издание? Не хотите ли другое, с большим тиражом за те же деньги?" Ни одно серьезное издание не позволит себе войти в конфликт с известной актрисой, опубликовав что-то действительно острое без ее согласия. У нас же в этом смысле просто анархия.

— Может быть, у нас больше этих самых — "с завода "Рено"?

— Вероятно. Лично я считаю, что в России даже среди интеллектуалов и художников хватает настоящего быдла.

— У нас прошла с успехом комедия "Окно в Париж" — там нашему эмигранту нашли работу в оркестре, но оказалось, что выступать надо... без трусов. Это правда о вашей жизни?

— Это одна из западных реалий. Что касается оркестра без трусов, я думаю, что это возможно не во Франции, а скорее в Германии. У нас все тоньше, изощреннее и извращеннее. Маркиз де Сад был возможен именно во Франции, он типичен и философски, и в деталях. Но что здесь страшно? Что называется "извращениями", как нам когда-то внушали? В сексе, как и во всем остальном, истина в последней редакции нам неизвестна. Секса подлинного и детородного мы тоже от "извращения" отделить не в силах.

— Вы нашли свое место на Западе и стали богатым человеком?

— Я никогда не был богатым и богатым быть не могу — я трачу деньги на разные некоммерческие проекты. Первый авангардный журнал "Мулета" в России издавался на мои средства.

— Этот журнал был выпущен в пику "пахану русской эмиграции" Владимиру Максиму?

— Он был выпущен как программное издание философии "вивризма", созданной мною же. У меня много раз пытались перекупить его — не потому, что это издание с большим тиражом. Зато "Мулета" — журнал свободной интеллигенции, тех, кому труднее всего подкупить. Единственный журнал с порядочной репутацией — остальные отмывали чьи-то деньги, издавались в угоду кому-то.

— Кстати, к вопросу о деньгах. Я делаю свои произведения из денежных купюр. Я использую их как фон, как ничего не значащий кусок бумаги. Таким образом независимо от политиков, дьявола или кого-то еще они становятся бесценными, потому что превращаются в предмет искусства. Я веду символическую войну с продажностью. С продажностью вкуса. Именно отсутствие

вкуса формирует спрос на продажную любовь, продажную прессу. Политик со вкусом, хоть все они жулики, никогда не прибегнет для достижения цели к такому примитивному способу, как подкуп. Он обольстит, обманет. Политики приходят и уходят. Но у вас в обществе уникальная ситуация, когда и у власти, и в средствах массовой информации — одни подлецы.

— Я уверен, что вся грязь человечества собирается в том месте, где общество это допускает. Оставим в покое российскую действительность. Почему Франция более или менее чистая страна? У нас за преступление против закона сажают немедленно. Ален Кариньон, мэр Гренобля, бывший министр Франции, близкий друг Ширака, после 6 лет судов сидит в одиночке, будет сидеть еще 4 года и после этого 5 лет будет лишен всякого права на избрание. За что? Потому что получил взятку в 21 миллион франков и дал право на распределение сырья не одной компании, а другой. Я видел интервью с Шираком по этому вопросу. Он лишь опустил глаза и сказал, что уверен в силе и справедливости французского правосудия, и не защитил друга. У нас суды независимы, и решение судей не зависит от того, был ли он другом президента, сколько у него денег и прочее. Команда Кариньона даже организовала общественное движение в его защиту — не помогло.

— Если можно дать взятку мэру Гренобля, почему нельзя купить судью?

— Так устроено общество. Конечно, маленький чиновник хочет денег. Но маленький чиновник и стоит немного. Если он попадет на трехкопеечную взятку — его судить не будут, он просто будет вышвырнут из жизни, окружен стеной забвения. Механизм работает мгновенно. Крупному чиновнику положена крупная взятка, но, как показывает пример того же Кариньона или недавний процесс о взятке мэра Ниццы и сенатора Франции, и ему брать мзду невыгодно и опасно. У нас также нельзя позвонить в суд и сказать, что есть люди, которым неудобно, чтобы засудили того-то. Судья струсил — и начал искать способ не найти правду, а неправдой оправдать.

— А что если застрелить судью?

— Во Франции этого нет. Пара подобных случаев была в Италии, но сейчас Тито Рино, давший указание о расправе, пойман и будет сидеть до конца своих дней. Такая ситуация, как в России, пожалуй, только в Колумбии осталась. Я допускаю, что и наши государственные и политические фигуры во многом тоже подлые, грязные и отвратительные внутри себя. Но они бояться быть пойманными.

— А у нас "Экспресс-газета" публикует материалы о даче любовницы Грачева — и никакого резонанса. "Независимая" публикует материалы о сдаче Грозного за деньги. Спокойно спят Грачев, любовница и в порядке дача.

— Известный редактор известной газеты кланется публично наказать убийцу своего журналиста, а после публично жмет руку человеку, которого он обвинял в этом убийстве. Такое невозможно в цивилизованном обществе.

— Мы начали "за здравие" — закончили "за упокой". В начале разговора вы признали свой отъезд роковой ошибкой.

— Я всегда любил и люблю Россию. И я воспитанник русской культуры. Мне не удается соблести здравый смысл в этой своей страсти. Сейчас, в свои 60, я обнаруживаю, что, когда я пил водку или устанавливал вычислительные машины, был реставратором или занимался авангардным искусством, это было от любви. Это был реванш и демонстрация возможностей Владимира Котлярова, так и не реализованных в этой стране.

— Так, может быть, пора его воскресить?

— Может быть. Но в теле уже живет иной дух. Как раз сейчас один человек предлагает мне издать мои "Этюды о лошадах", написанные в 1974 году. Но на обложке написать "Толстый". То есть засунуть меня, Толстого, в ту нишу на Нововодневском кладбище, где похоронен Владимир Котляров. И я пока не знаю, что ответить.

Встречалась Надежда КУПСКАЯ.

